

Хиазм: Текстовая природа экспрессивности

ОЛЬГА А. КРЫЛОВА
(Москва)

Упадок риторики в России, который пришелся на середину XIX в., был вызван не в последнюю очередь тем обстоятельством, что ученых перестала удовлетворять ее схоластическая направленность, проявившаяся, в частности, в том, что нередко риторические рекомендации сводились к перечню тропов и фигур речи: „К середине XIX в. традиционно начинающий каждую риторику раздел об изобретении и расположении мыслей исчерпал себя. Более того, подменой живого процесса мышления схоластическим словесным распространением на основе двадцати четырех источников изобретения риторика была скомпрометирована как научная дисциплина” (Граудина, Миськевич 1989: 126).

Возрождение интереса к риторике в наше время, обусловленное целым рядом факторов (Безменова 1991), требует пересмотра и этого наиболее архаического и традиционного раздела риторики – учения о тропах и фигурах речи.

Обращение к тропам и фигурам речи на новом этапе развития науки оказалось необходимым, прежде всего, для расширения проблемных планов исследований поэтического языка и индивидуальных стилей писателей (*Очерки истории языка...* 1994: 3). В то же время – мы подчеркиваем это – сами тропы и фигуры речи требуют иного к себе подхода – с учетом современных достижений психолингвистики, семантики, коммуникативного синтаксиса, прагматики и лингвистики текста. Если первая задача обуславливает подход, который можно назвать функциональным, поскольку исследуется их роль в поэтическом языке и в формировании

идиостилия, то при решении второй задачи осуществляется онтологический подход, т. к. при этом в центре внимания оказывается вопрос о природе экспрессивности тропа. Полагаем, что только сочетание обоих подходов обеспечит дальнейшее развитие и стилистики, и поэтики, и риторики. Но если природа экспрессивности тропов неоднократно подвергалась исследованию (из последних работ см. Чернухина 1992), то природа экспрессивности стилистических фигур интересовала лингвистов в гораздо меньшей степени; вопрос же о природе такой стилистической фигуры, как хиазм, хорошо известной из античных риторик, даже не ставился. Напомним, что хиазм представляет собой х-образное расположение слов в соседних предложениях (типа: подлежащее – сказуемое и сказуемое – подлежащее). Например:

Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки.

(А. Пушкин)

Попытаемся в рамках второго подхода, т. е. „двигаясь” от текста, его структуры, установить, в чем же причина того, что крестообразное расположение слов в соседних предложениях оказывается экспрессивным и получает квалификацию стилистической (риторической) фигуры речи.

Нам была высказана гипотеза о том, что актуальное членение и синтаксическая семантика отдельного предложения-высказывания и коммуникативно-синтаксическое устройство целого текста (микротекста, сверхфрагментального единства) взаимодействуют, вступая в определенные отношения. Эта гипотеза была проверена и подтверждена в работе, осуществленной под нашим руководством Т. Ф. Матвеевой (1984). Были выявлены два типа текстов: моноструктурные и полиструктурные. В моноструктурных текстах все предложения-высказывания по их актуальному членению и синтаксической семантике и соответствуют общему коммуникативному заданию и семантике всего текста. Полиструктурные тексты, кроме таких предложений, включают и предложение-высказывание иного строения и иной синтаксической семантики 8- условно называем его „деструктивным”, – хотя оно не нарушает цельности и связности текста именно в силу того, что, взаимодействуя с остальным текстом, спредшествующими предложениями-высказываниями, вступает с ними в отношения 1) подчинения, 2) противопоставления, и 3) в двойственные отношения (Крылова, Матвеева 1990).

При отношениях противопоставления „деструктивное” предложение-высказывание строится в соответствии с коммуникативным заданием, формирующим такое его актуальное членение, которое оказывается противоположным, обратным общему коммуникативному заданию текста. Например:

У птиц и зверьков в лесу есть свои этажи: (1) мышки живут // в корнях, в самом низу; (2) разные птички, вроде соловья, вьют свои гнезда // прямо на земле; (3) дрозды // повыше, на кустарниках; (4) дупляные птицы – дятлы, синички, совы // – еще повыше, на разной высоте по стволу дерева; (5) и на самом верху селятся // хищники, ястребы и орлы.

(М. Пришвин)

Первые пять предложений, отвечая на латентный вопрос: „Где живут зверьки и птички?” имеют следующее актуальное членение и порядок слов: подлежащее + сказуемое (тема) // локальный детерминант (рема), а шестое предложение-высказывание, отвечая на латентный вопрос: „Кто живет на самом верху?” имеет обратную коммуникативно-синтаксическую структуру: локальный детерминант Ъ сказуемое (тема) // подлежащее (рема). Шестое предложение оказывается „деструктивным”: его появление в тексте означает сдвиг в коммуникативно-синтаксической перспективе описания, а сдвиг, перебив и служит источником экспрессии. Порядок слов, оформляющий такую новую, в сравнении с общим коммуникативным значением текста, установку, оказывается „зеркально противоположным” порядку слов всех предшествующих предложений, что можно показать схематично таким образом: (1-5) П – С – Д

(6) Д – С – П,

где символы П, С, Д обозначают подлежащее, сказуемое и детерминант с локальным значением. Но ведь это есть хиазм!

Следовательно, хиазм представляет собой фигуру, образуемую полиструктурным текстом, где „деструктивное” предложение вступает в отношения противопоставления с предшествующими предложениями-высказываниями, актуальное членение которых и порядок слов, его оформляющий, отвечает общему коммуникативному заданию текста.

Приведем еще примеры таких полиструктурных текстов с хиазмом:

(1) Уходило лето. (2) Осыпались цветы. (3) Падал звонкий лист осин. (4) Желтые травы блекли.

(Г. Кунгуров)

Схема словорасположения в этом тексте:

(1-3) С – П

(4) П – С.

Бабочки, снуя, оцарапывали крыльями карнизы. Пылающие стены глазами яблоками закатывались под навесы черновишневых черепичных крыш. Весь город шурил и топтырил их, как ресницы. И тем же гончарным золотом горели примитивы в чистом прохладном музее.

(Б. Пастернак)

Таким образом, нам становится понятна природа экспрессивности хиазма: текст как целое предполагает реализацию определенного коммуникативного задания, а при хиазме возникает „деструктивное” предложение, реализующее „противоположное” коммуникативное задание, и поэтому возникает тот коммуникативно-семантически с сдвиг, который и служит основой стилистического эффекта, эффекта неожиданности. И. Я. Чернухина считает его главной „текстовой функцией тропа” (Чернухина 1986: 99-100). Но если в основе эффекта неожиданности, создаваемого тропом, лежит „столкновение номинаций разнородного ... и непредсказуемый семантический синтез значений этих номинаций” (Чернухина 1992: 29), то в основе эффекта неожиданности, возникающего при хиазме, лежит именно сдвиг в коммуникативно-синтаксической перспективе текста. Однако мы полагаем, й сдвиг, вызывающий эффект 7неожиданности, является не функцией хиазма, а его сущностью, определяющей природу его экспрессивности. Функция же хиазма в тексте, как и функция любой другой фигуры речи и любого тропа, должна определяться по отношению к каждому художественному произведению конкретно, и функции эти могут быть весьма различными. Но их изучение требует специального исследования.

Литература

- Безменова Н.А., 1991, *Очерки по теории и истории риторики*, Москва.
Граудина Л.К., Миськевич Г. И., 1989, *Теория и практика русского красноречия* Москва.
Крылова О.А., Матвеева Т. Ф., 1990, *Отдельное предложение-высказывание и свяспект*, „Филологические внауки”, № 1, с. 60-70.

- Матвеева Т.Ф., 1984, *Актуальное членение высказываний и коммуникативная структура текста описательного типа*. Дисс. ... канд. филол. наук., Москва.
- Очерки истории языка русской поэзии XX века*, 1994, Москва.
- Чернухина И.Я., 1986, *Эффект неожиданности в современной лирике. – Язык и стиль произведений фольклора и литературы*, Воронеж, с. 99-100.
- Чернухина И.Я., 1992, *Восприятие поэтического текста на примере восприятия тропа. – Вопросы стилистики: Межвузовский сб. науч. трудов*, вып. 24, Саратов, с. 26-37.

Chiasmus the Textual Nature of Expressiveness

The article considers the nature of the figure of speech called chiasmus. It is determined that its expressiveness appears due to the shift in the communicative and syntactical perspective of the text. This sort of shift results from an opposition between a sentence and the preceding sentences in the text.